

© 2011 г.

Т.В. ВРОНСКАЯ, А.Е. ЛЫСЕНКО (Украина)

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО ПРАВОСУДИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

События Великой Отечественной войны, отделенные от нас уже семью десятилетиями, до сих пор поражают нас своим внутренним напряжением и неоднозначностью. В них порой самым парадоксальным образом переплелись героизм и предательство, самоотверженность и трусость, надежда на лучшее будущее и пессимизм, справедливость и вероломство, право и несправедливость.

Одной из самых противоречивых страниц военной поры остаются вопросы, связанные с функционированием советской правовой системы. Наряду с решением конституционно закрепленных правоохранительных задач, призванных обеспечить безопасность тогдашнего политического и экономического строя, они также нацеливались на репрессалии (в том числе и превентивные) относительно потенциальных или реальных противников существовавшего режима.

Следует отметить, что юристы до сих пор не уделяли должного внимания этой тематике, оставляя историкам непростую задачу толкования весьма специфических аспектов правоприменительной практики¹ в этот период. При этом правоведы весьма скептически относятся к “визитам” историков на “свою территорию”.

Исторические исследования в этой тематической нише выполнены на фактологическом уровне, им присущ осязаемый дефицит юридических интерпретаций, оценок и обобщений. Между тем, к примеру, публикациям, посвященным созданию и использованию штрафных подразделений в годы войны, явно недостает глубины толкования правовой природы этого явления. То же самое можно сказать и о проблеме квалификации таких преступлений, как измена Родине, дезертирство, а также пособничество и сотрудничество с врагами.

При этом является совершенно очевидным, что без осмысления и всестороннего анализа общей направленности и функционирования этих составляющих политической юстиции как части юридической системы, специально созданной и используемой для подавления политических врагов и потенциальных оппонентов путем применения правовых и противоправных методов, невозможно создать реальное представление о событиях, которые разворачивались в годы Великой Отечественной войны и после нее в СССР и на Украине в частности.

Вронская Тамара Васильевна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела истории Украины периода Второй мировой войны Института истории Национальной академии наук Украины.

Лысенко Александр Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории Украины периода Второй мировой войны Института истории Национальной академии наук Украины.

¹ Правоприменительная практика – общепринятое юридически значимое поведение судей и других правоприменителей, основанное на сложившемся истолковании правовых норм, восполнении их пробелов и неясностей.

В первые дни гитлеровской агрессии в УССР, как и во многих других республиках Советского Союза, было введено военное положение, которое предполагало особый правовой режим – оперативное и радикальное регулирование всех слагаемых функционирования государства и жизнедеятельности общества. Этот особенный порядок в первую очередь предусматривал значительное расширение полномочий военной власти, применение чрезвычайных мер по обеспечению государственной безопасности, мобилизации всех человеческих ресурсов и экономического потенциала страны на отпор армии агрессора. Такие полномочия и практически неограниченную власть получил Государственный Комитет Обороны (ГКО), созданный 30 июня 1941 г. и военная администрация на местах.

Хотя юридической базой продолжала оставаться Конституция СССР, решения ГКО, отнесенные к числу актов высшей юридической силы, как и ведомственные приказы и инструкции общесоюзных и союзно-республиканских наркоматов, стали обязательными для безусловного выполнения. Случалось, что последние превалировали и над Основным Законом страны, и над уголовным законодательством.

Чрезвычайные условия военной поры ограничивали нормотворческую деятельность представительских органов власти всех ступеней, включая и Верховный Совет СССР. Обычный для издания советских законов порядок в то время не всегда мог точно соблюдаться, поэтому он был упрощен, приспособлен к быстро меняющейся военной, политической и экономической обстановке.

В период 1941–1945 гг. возникли новые виды преступлений, уголовная ответственность за которые устанавливалась на военное время рядом Указов Президиума Верховного Совета СССР. Нормой, а не исключением, являлась тенденция к расширению гипотез многих статей Уголовного кодекса (УК). Для уголовного права характерно более широкое использование принципа аналогии², коллективной ответственности, семейного заложничества и возмездия как одной из целей наказания.

Важную роль на первом и последующих этапах войны сыграли постановления Пленума Верховного Суда СССР. Высший судебный орган государства достаточно оперативно реагировал на изменение ситуации, разъясняя нижестоящим судам, как им надлежало применять советское законодательство, устанавливал порядок применения ряда правовых норм, восполняя при этом пробелы в праве, которые выявлялись в практике, но не были решены законодателем.

Поскольку в условиях чрезвычайной обстановки от правосудия требовалось держиваться двух ключевых правил – “быстрота рассмотрения” и “суровость наказания”, – то на первое место, по вполне понятным причинам, вышли специальные суды – военные трибуналы, а также внесудебный орган – Особое совещание при НКВД СССР, наделенное исключительной юрисдикцией применения высшей санкции – расстрела.

Военные трибуналы имели полномочия рассматривать преступления, совершенные не только военнослужащими, но и дела, возбужденные против гражданских лиц (о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, хищении социалистической собственности, разбой, убийства, уклонение от исполнения всеобщей воинской повинности). “Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий”, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г., устанавливало порядок рассмотрения дел на фронте и в тылу. Срок следствия сокращался до 24 часов, а утверждения приговора – до 72 часов. Жалобы и протесты на приговоры трибуналов не допускались. Они вступали в законную силу с момента их оглашения и приводились в исполнение немедленно. Лишь о приговорах к высшей мере наказания полагалось сообщать телеграммой председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР, и если

² Наказание за действия, не предусмотренные Уголовным кодексом, но признанные судом (или внесудебным органом) “общественно-опасными”. В этом случае наказание назначалось по наиболее “схожим” статьям УК. Так, анекдоты могли стать контрреволюционной пропагандой”, а разговоры в кругу друзей – “призывами к свержению существующего строя” и пр.

до истечения определенного времени она не истребовала дело, приговор приводился в исполнение³. На практике, особенно в начальный период войны, эта процедура осуществлялась без подобной протокольной “волокиты”.

Особое место в деятельности Фемиды военного времени было отведено советским спецслужбам. Уже в 9 ч 10 мин утра 22 июня 1941 г. наркомат госбезопасности СССР направил территориальным органам директиву о мобилизации всего оперативно-технического аппарата НКГБ – УНКГБ для работы в новых условиях. Однако в первой, как и в следующей (24 июня 1941 г.) директивах, в отличие от появившихся позже, ставились общие задачи, недостаточно связанные с реалиями оперативной обстановки. Отсутствовали и упоминания о конкретном внешнем объекте действий спецслужб. Основной акцент делался на поиске внутреннего противника в лице “вражеских элементов”, стремящихся нанести “ущерб Советской власти”. Оперативным подразделениям НКГБ УССР предлагалось выявлять призывы к забастовкам, “контрреволюционный саботаж”, мобилизовать милицию на борьбу с паникой и т.п.⁴ В то же время отсутствовали какие-либо указания о действиях по основным линиям оперативной работы относительно вражеских спецслужб. Только в директиве от 1 июля 1941 г. задачи советским органам государственной безопасности были конкретизированы. Среди прочего отмечалось: “Органы НКГБ, каждый чекист в отдельности обязаны приложить все силы для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма”⁵.

Но, как бы не формулировались задачи органов государственной безопасности, следует отметить, что в хаос первых дней войны они, как и милиция, оказались едва ли не единственными структурами, способными к эффективному действию. Приоритетными, безусловно, считалось добывание разведывательной информации в интересах действующей армии; контрразведывательное обеспечение войск и противодействие разведывательно-подрывной деятельности спецслужб врага; диверсионные и оперативно-боевые действия в тылу противника; участие в развертывании партизанского движения и подпольной работы на оккупированной территории; оперативное обеспечение бесперебойного функционирования объектов оборонной промышленности и транспорта.

В рамках этой разветвленной правоприменительной системы, с учетом крайне высокой репрессивной ориентации всех институтов советской Фемиды формировались подходы к квалификации преступлений и судебная практика на фронте и в тылу.

Впрочем, анализируя репрессивную политику государства в годы войны, следует взвешенно подходить к этой проблеме, учитывая как специфику военного времени, так и обусловленные им объективные и субъективные факторы. Ведь хорошо известно, что война определяет повышенный уровень ответственности всех и каждого перед законом. Совершенные в военное время правонарушения, а тем более сотрудничество с врагом (как наиболее тяжелое преступление военного времени), рассматриваются с учетом фактора “отягчающих обстоятельств” и предполагают максимальные наказания вплоть до применения смертной казни. К тому же, СССР был не единственным государством, где военное положение стало доминирующей доктриной организации жизни общества на время ведения боевых действий. История свидетельствует, что власти всех стран мира прибегают к ограничительно-репрессивным мерам относительно гражданского населения с целью соблюдения порядка, строгой дисциплины, концентрации всех усилий и ресурсов для военных нужд. Чрезвычайное положение, обезвреживание опасных лиц, строгий контроль за подозрительными категориями граждан, соблюдение норм военного времени становятся легитимными реалиями даже в странах с традици-

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. М., 2000, т. 2, кн. 1, с. 8–10.

⁴ Там же, с. 35, 67–68.

⁵ Там же, с. 136. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКГБ и НКВД были слиты в одно ведомство – Народный комиссариат внутренних дел СССР. Тогда же было создан и НКВД УССР.

онными формами демократического правления. Но все эти мероприятия проводятся в соответствии с укоренившимися в том или ином государстве обычаями.

В Советском Союзе карательная направленность Фемиды на начальном этапе войны явилась результатом устоявшихся политических и идеологических решений, подкрепленных содействием организованной, разветвленной политико-юридической системы страны.

В период глубокого военно-политического кризиса, когда руководству страны приходилось вести отчаянную борьбу с развалом фронта и отступлением армии, было издано ряд концептуальных директив радикального характера, направленных на борьбу с такими опасными в военное время явлениями как изменнические настроения, дезертирство и пособничество.

Действительно, число тех, кто самовольно оставлял расположение своих частей, было достаточно велико. Нередко в отчаянии растерянные красноармейцы бежали в сторону советского тыла, пытаясь где-то пересидеть лихую годину, другие сдавались в плен. Убегавшие в глубь советской территории считались дезертирами. И тех, и других одинаково обвиняли в “измене Родине”.

Не вдаваясь в пространный анализ этого явления, следует заметить, что не всегда его причины следует искать только в слабости и трусости людей. Известно, что достаточно часто наспех обученных, необстрелянных, а иногда и плохо вооруженных бойцов отправляли на фронт, где они не успевали привыкнуть к условиям открытого боя. Случалось, что командный состав многих формирований подбирался в спешке и не имел надлежащей подготовки. И этот фактор тоже приводил к тому, что новобранцы под таким командованием не отличались стойкостью в обороне. Так произошло и 25 июля 1941 г. вблизи населенного пункта Мироновка Киевской области, когда при появлении немецких танков кавалерийская и стрелковая дивизии в панике отступили, не приняв боя. К тому же, на личный состав этих соединений повлияли события, произошедшие накануне вражеского наступления. В период с 13 до 24 июля 1941 г. через Мироновку проходило много дезертиров, которые принесли весть о разгроме советских войск в пограничных боях и стремительном продвижении гитлеровцев в глубь страны. Эта информация, как подчеркивалось в донесении Мироновского райотдела НКВД, вызвала среди воинских частей и гражданского населения панику. С целью пресечения панических настроений трибунал штаба тыла стал ускоренными темпами выносить смертные приговоры дезертирам, которых удалось задержать. Их на глазах гражданского населения расстреливали и закапывали прямо возле здания местного НКВД⁶.

Такие случаи происходили в июле 1941 г. достаточно часто, как, впрочем, и в последующие трудные месяцы войны.

Следует отметить, что не везде и не всегда, даже при наиболее неблагоприятном ходе событий на фронте, обычных паникеров ставили вровень с дезертирами. Большое число бойцов, разбегавшихся во время наступления вражеских войск, задерживали, собирали на специальных пунктах, потом опять отправляли в воинские части. Так поступали в подразделениях, где командирами были опытные офицеры, выполнявшие заградительные функции в надлежащем порядке, предписанном соответствующими документами, т.е. с индивидуальным подходом к бойцам и пониманием конкретной ситуации.

Однако обычно, особенно в первый период войны, в один ряд с дезертирами, сознательно совершившими свой проступок, довольно часто ставились необстрелянные бойцы, судьбу которых решал военный трибунал. Приговоры для них обычно выносились одинаковые – расстрел, поскольку в соответствии со ст. 7 п. “в” Положения о воинских преступлениях самовольное оставление части военнослужащим на срок более суток (квалифицируемое, в то время как дезертирство) предполагало в военное время применение высшей меры наказания.

⁶ Костенко Ю. Морально-психологічний стан Червоної армії в ході перших боїв (червень 1941 р.). – Воєнна історія, 2002, № 3–4, с. 9.

Военные трибуналы при условии абсолютной определенности характера законодательной санкции за дезертирство, как правило, не считали возможным смягчать наказание, хотя это и было предусмотрено ст. 51 УК РСФСР⁷. Приговоры по этим делам принимались быстро и так же быстро приводились в исполнение.

Такой ускоренный и упрощенный порядок был санкционирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 г. Военным советам фронтов в исключительных случаях (в местностях, объявленных на военном положении) предоставлялось право утверждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания и безотлагательным приведением их в исполнение⁸. 12 августа 1941 г. Сталин подписал приказ, адресованный военным советам фронтов и армий, о предании суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава, оставивших позиции без приказа командования⁹.

К тому же, стремясь укрепить дисциплину в действующей армии и взяв на себя функции судебной системы, полевые командиры очень часто прибегали к действиям, превышавшим меру разумной целесообразности и необходимости. Лишь спустя четыре месяца с начала войны высшее руководство страны обратило внимание на то, что быстрые самосуды на фронте стали альтернативой настоящему правосудию. Изданный 4 октября 1941 г. приказ наркома обороны СССР № 0391 “О фактах подмены воспитательной работы репрессиями”, наконец, осудил “частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров”. В документе, среди прочего, подчеркивалось, что “применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого сопротивления в условиях боевой обстановки”. Тех, кто злоупотреблял рукоприкладством и самосудами, приказывалось строго наказывать вплоть до предания суду военного трибунала¹⁰.

Не менее суровым и не всегда справедливым в первые (как, впрочем, и в последующие) месяцы войны было отношение к военнослужащим, попавшим в плен. Доминирующей являлась установка: красноармейцы в плен не сдаются, а те, кто оказывался там, уже считались “бывшими” военнослужащими.

16 июля 1941 г. ГКО своим постановлением № 169-сс дал оценку хаотическому отступлению и массовой сдаче в плен, назвав такие воинские части “стадом баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника”, и вынес категорический вердикт: “Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины являются нашим священным долгом”. Кроме того, подчеркивалось, что и в дальнейшем ГКО будет “железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в Красной Армии”¹¹. 16 августа 1941 года был издан приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270, согласно которому все советские военнослужащие, сдавшиеся в плен по собственной воле, а также те, кто был захвачен при не зависящих от них обстоятельствах, объявлялись изменниками Родины. Родственники упомянутых лиц подлежали репрессиям “как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров”. Одинаково суровые санкции предполагались для всех, кто оставил поле боя, без разницы, в какую сторону они убегали, к врагу, либо в глубь советской территории. В то же время просматривалась четкая градация в уровне суровости наказания для членов их семей. Родственников командиров и политработников, дезертирующих в тыл или сдающихся в плен, предписывалось арестовывать, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев – лишать всех видов государственной помощи¹².

⁷ Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты). М., 1957, с. 46.

⁸ Органы государственной безопасности..., с. 335.

⁹ Там же, с. 475.

¹⁰ Там же, с. 486.

¹¹ Там же, с. 332–335.

¹² Там же, с. 485.

В упомянутом приказе не объяснялось, какие именно документы должны стать основанием для последующего наказания родных военнослужащего. Не шла речь ни о приговоре военного трибунала, ни о каких-либо иных аргументах. Таким образом, приказ предназначался скорее для запугивания и предупреждения о возможных репрессиях. Бойцов фактически ставили перед выбором: смерть или позор и репрессии родных и близких людей.

Изданный в суровое время поражений Красной Армии, приказ № 270 своим остриём был направлен против дезертиров. Однако ни юридического, ни морального оправдания не имеют те его положения, которые предоставляли неограниченные права соответствующим органам в репрессиях относительно семей военнослужащих.

Случаи массового дезертирства имели место и после появления упомянутого приказа, о чем можно узнать, в частности, из отчетов Главного военного прокурора Красной Армии. В одном из них “О преступности в Красной Армии” (сентябрь 1941 г.), адресованном заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому, читаем: “Большинство случаев измены родине являются результатом влияния временных успехов врага на менее стойкие элементы. К этим элементам, в первую очередь, принадлежат личности старшего возраста, мобилизованные в районах, временно занятых врагом, которые стремятся [увидеться] со своими семьями, которые остались на территории, захваченной фашистскими войсками... В 299 стрелковую дивизию (Брянский фронт) прибыло пополнение из лиц старшего возраста, мобилизованных в Черниговской области, к тому времени захваченной врагом. Надлежащая политическая работа не проводилась, что было использовано врагом, который с помощью листовок и радио повел агитацию за переход Черниговцев к немцам, обещая распустить их по домам. В результате уже во время первого столкновения с противником [бойцы] разбежались, и перешло к врагу более половины боевого расчета дивизии (3788 чел. – *Авт.*)”¹³. Далее автор отчета констатировал, что не удалось установить даже фамилий беглецов, поскольку людей бросили в бой даже без предварительной переписи их после прибытия в войсковую часть. Таким образом, не было возможности репрессировать членов их семей, как это предписывалось августовским приказом ВГК и другими действующими в то время ведомственными директивами. К тому же остается непонятным, кого и как именно планировали репрессировать, если к тому времени вся Черниговщина была оккупирована.

Неоднократно сталкиваясь с фактами, аналогичными случившемуся в 299-й стрелковой дивизии, военные прокуроры в октябре 1941 г. получили указание от своего руководства “активнее применять заочное осуждение к тем [дезертирам и изменникам], которых не удалось задержать”; их семьи следовало репрессировать¹⁴.

Кстати, уже много позже, в послевоенные годы, когда в рамках работы по созданию нового уголовного законодательства СССР шло обсуждение ответственности за воинские преступления, Г. К. Жуков, тогда заместитель министра обороны Советского Союза, на одном из заседаний специальной комиссии в 1953 г. высказывался следующим образом: “Статья о дезертирстве свыше двух суток в военное время предусматривает смертную казнь или 25 лет лишения свободы. Наказание слишком суровое. Я хочу сказать из практики начала Отечественной войны. ... Принималось применение высшей меры наказания по п. “г” военного времени к тем, кто нарушил [закон]. А их можно было бы сохранить для дальнейших действий против немецких захватчиков. Само собой разумеется, что этот вид преступления опасен, речь идет об укреплении дисциплины в армии. Но можно укреплять дисциплину и другими мероприятиями”¹⁵.

В конце 1941 г. перед руководством страны и военным командованием встал сложный вопрос: как в условиях быстрого отступления поступать с военнослужащими, которых

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5446, оп. 81а, д. 347, л. 30–33, 36, 50.

¹⁴ ГАРФ, ф. 5446, оп. 81а, д. 347, л. 30–33, 36, 50.

¹⁵ ГАРФ, ф. 7523, оп. 45а, д. 168, л. 126–127.

военные трибуналы осудили, например, к 8–10 годам заключения в лагерях? Отправлять их в тыл, запасные части, или использовать на фронте? Решение нашел Пленум Верховного Суда СССР, благодаря которому, собственно, и началось формирование кадрового потенциала для будущих штрафных подразделений Красной Армии. Сначала появился ряд постановлений, предполагавших отсрочку или полное освобождение от уголовной ответственности в соответствии со статьями Уголовного кодекса для тех, кто уже находился на фронте¹⁶ и был осужден заочно преимущественно к исправительно-трудовым работам. Со временем этот круг расширили. В него попали приговоренные к незначительным срокам лишения свободы. Относительно лиц, получивших более суровые меры наказания, процедура была несколько иной. Материалы и приговоры в отношении их направлялись в соответствующие военные трибуналы и те на месте решали судьбу осужденных.

Вполне резонно задумались в соответствующих ведомствах и о целесообразности исполнения приговоров в виде лишения свободы относительно лиц призывного возраста в тыловых районах. Ведь наказание становилось преградой для исполнения ими военной обязанности, поскольку они автоматически становились “недостойными” с оружием в руках защищать родную землю и оставались в тылу. Реагируя на такое положение вещей, Пленум Верховного Суда СССР своим специальным постановлением от 22 января 1942 г. задекларировал, что лица призывного возраста, осужденные на сроки до двух лет без лишения прав, могут быть мобилизованы в Красную Армию или Военно-Морской Флот. В этих случаях судам предоставлялось право в соответствии со ст. 192 основных начал и примечания 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР приостанавливать исполнение приговора до возвращения осужденного из армии¹⁷.

Принципиально важное примечание 2 к ст. 28 фигурировало во всех последующих документах высшей судебной инстанции СССР, что позволило определенным категориям лиц (на время, а то и навсегда) избежать тюрьмы и постараться ценой своей крови добыть свободу.

Следует отметить, что уже в конце 1941 г. приговоры трибуналов относительно дезертиров стали поступать в Верховный Суд СССР в кассационном или надзорном порядке более-менее упорядоченно. И если раньше они либо не рассматривались, либо отклонялись, то теперь руководство высшей судебной инстанции СССР стало задаваться вопросом: всегда ли дезертирство имело злостный характер и “далеко идущий контрреволюционный замысел”, а не кроется ли за ним обычная человеческая слабость или еще какие-то морально-психологические мотивы, следует ли лишать человека жизни, если она еще может быть полезной отчизне на фронте, особенно в такую горячую пору, когда каждый боец – на вес золота. Рассмотрев эту проблему и обобщив опыт вынесения приговоров, кассационных надзорных коллизий, Пленум Верховного Суда в постановлении № 8/м/1/м) от 22 апреля 1942 г. отметил: “В соответствии со ст. 193-7 п. “г” УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик дезертирство в военное время влечет за собой расстрел с конфискацией имущества. Но в случаях, когда суд, исходя из конкретных обстоятельств дела при наличии смягчающих обстоятельств (например, раскаяние, явка с повинной, самовольная отлучка хотя бы на срок и более суток, но в течение непродолжительного времени и т.п.), признает более целесообразным направить подсудимого на фронт, он может путем применения ст. 51 и примечания 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик назначить в виде наказания длительный срок лишения свободы без лишения прав, с отсрочкой исполнения приговора до завершения военных действий и направлением осужденного в Действующую Армию”¹⁸.

¹⁶ Еще до войны постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 31 октября 1940 г. и 12 июня 1941 г. было принято решение снимать судимость с лиц, призванных в Красную Армию, если приговор предполагал исправительно-трудовые работы. 18 июля 1941 г. это положение распространялось и на лиц, вступивших в народное ополчение.

¹⁷ Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 г. М., 1946, с. 108.

¹⁸ Там же, с. 107.

Стремясь принять решительные и эффективные меры к упреждению пораженческих настроений и дезертирства в рядах Вооруженных Сил, советское руководство с первых дней войны приняло также ряд радикальных мер относительно гражданских лиц, которых считала своими политическими противниками.

Если выселение из прифронтовой зоны “социально-опасных” лиц и граждан немецкой национальности, произведенное советскими карательными органами, еще можно объяснить, поскольку подобным образом всякое государство в военное время стремится обезопасить свои ближние тылы, то массовое уничтожение узников тюрем даже при чрезвычайном положении было проявлением крайней жестокости.

В директиве наркома государственной безопасности В.Н. Меркулова органам НКГБ СССР от 23 июня 1941 г. содержалось указание относительно решения вопроса о вывозе большинства арестованных, числившихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой, в центральные и восточные районы СССР. Приказывалось также рассмотреть дела арестованных органами НКГБ и составить списки на тех, кого “целесообразно расстрелять”¹⁹.

В секретной записке от 4 июля 1941 г. на имя наркома внутренних дел подчиненные Л.П. Берии, ссылаясь на невозможность полного вывоза узников из тюрем прифронтовой полосы, предлагали освободить только женщин с детьми, беременных и несовершеннолетних, а также осужденных за бытовые, служебные и другие, менее опасные преступления. Эвакуации подлежали лишь лица, находившиеся под следствием и в отношении которых следовало продолжить процессуальные действия “для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага”. Ко всем другим узникам рекомендовалось применять высшую меру наказания (расстрел)²⁰. Следует отметить, что тогда это предложение официально так и не было санкционировано ни политическим, ни государственным решениями, но на практике претворялось в жизнь.

Незадолго до прихода немцев сотрудники НКВД в Умани расстреляли 800 узников местной тюрьмы. Этим преступлением воспользовались нацисты. Они заставили местных жителей откопать из ямы всех расстрелянных и переместить их во внутренний двор тюрьмы на общее обозрение, декларируя при этом: “Смотрите, что учинили еврей-комиссары. Все беды – от них”²¹. Однако спустя некоторое время в “Уманской яме” оказались десятки тысяч советских военнопленных и жителей Умани, погибшие от рук гитлеровцев.

Ликвидация заключенных перед отступлением Красной Армии проводилась и в других тюрьмах Украины. Так, во Львовской области расстреляли 3161 чел, в Киеве – 524, Тернополе – 444, Черткове – 768, Черновцах – 222 и т.д. Решение о расстреле арестантов были приняты наркомом госбезопасности УССР П. Я. Мешиком, прокурором республики, начальниками управлений НКВД и прокурорами областей. Массовое уничтожение людей осуществлялось по соответствующим спискам, составленным на основании вышеупомянутой директивы наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова²². В Луцкой тюрьме таким же образом было “обезврежено” 3 тыс. чел., в Кировоградской – 12 тыс., Дрогобычской – 1101, Станиславской – 1000, Дубно Ровенской обл. – 230 осужденных. Начальник тюремного управления НКВД УССР А.Ф. Филиппов, докладывая 12 июля 1941 г. союзному начальству о ходе эвакуации из тюрем Украины, упоминал и о расстрелах (“выбывших по 1-й категории”)²³. Одновременно специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г.

¹⁹ Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941–1945 годах. Публикация А.И. Кокурина. – Военно-исторический архив. М., 1997, вып. 2, с. 238.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 240–246.

²² Кулаковський П. Розстріляні на початку війни – 3 архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ, 1994, № 1, с. 192.

²³ Эвакуация заключенных..., с. 240–246.

освободили из мест заключения в районах, где было введено военное положение, лиц, осужденных до трех лет за так называемые бытовые преступления. Из их числа впоследствии гитлеровцы вербовали полицаев и старост.

В первые месяцы войны появился ряд других директив репрессивного характера относительно гражданского населения. В частности, это указы Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля и 15 ноября 1941 г. об ответственности граждан за распространение в военное время ложных слухов, вызывающих тревогу у населения²⁴. Наказанием в этих случаях являлось лишение свободы от двух до пяти лет.

Вполне осознавая действительную угрозу панических слухов, способных породить неуверенность или отчаяние среди населения, а также целевое использование врагом этого достаточно действенного пропагандистского средства влияния на массы (особенно в прифронтовых районах), все же тяжело воспринимать факты огульного привлечения к уголовной ответственности, пронизанных страхом близкой оккупации, простых людей, которые обменивались мнениями с соседями по этому поводу.

В этом же логическом ряду стоит и вакханалия на местах, в которую иногда превращались призывы военной власти повсеместно выявлять шпионов. То, что агентура Абвера работала в начале войны, как, впрочем, и в последующее время, достаточно эффективно и численность ее (особенно в прифронтовых районах) была значительной, неоспоримо. Однако даже с учетом крайне необходимых мер военной контрразведки и органов НКГБ по выявлению вражеской агентуры в тыловых районах следует признать, что шпиономания приобрела гипертрофированные, а то и уродливые формы. Изобличение “сомнительных” личностей проходило во многих случаях безосновательно, а расправы над ними были очень быстрыми и проводились без дополнительных разбирательств. Этому способствовала усиленная в годы войны внесудебная практика.

На седьмой день войны, 28 июня 1941 г. (еще до выхода известного приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г.), появилась совместная директива НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР о порядке привлечения к уголовной ответственности изменников Родины и членов их семей (последние несли наказание не за какую-то конкретную вину, а за родственные связи). Привлечение к уголовной ответственности членов семей приказывалось производить в любом случае, даже если они не только не оказывали содействия преступлению, а и вовсе не знали о его подготовке. Предписывалось подвергать репрессиям родственников военнослужащих, которые попали в плен или дезертировали, а также членов семей гражданских лиц, в той или иной форме сотрудничавших с оккупантами²⁵. Нарушения законности, заложенные в этом приказе, состояли в том, что он ориентировал следственные органы руководствоваться во время расследования дел этой категории не Уголовным кодексом, а инструкцией НКВД СССР от 14 декабря 1940 г.²⁶, поскольку действующее законодательство не предусматривало репрессий для родственников гражданских лиц.

В п. 4 директивы от 28 июня 1941 г. подчеркивалось: если военный трибунал не признает вину обвиненного “изменника”, который перешел или перелетел границу, что в таком случае органы НКВД СССР могут ходатайствовать перед Особым совещанием о возврате из ссылки членов семей таких лиц. Таким образом, ни в чем неповинные люди могли пострадать еще до того, как устанавливалась вина основного фигуранта дела²⁷.

²⁴ Только за первое полугодие войны вышло шесть аналогичных директив и ведомственных приказов, регламентировавших усиление борьбы с “распространителями провокационных слухов” и “паникерами”.

²⁵ ГАРФ, ф. 5446, оп. 3а, д. 2, л. 263–263 об.

²⁶ Речь идет об инструкции НКВД СССР “О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей изменников родины”, в которой перечислялся персональный состав родственников “врагов народа” (отец, мать, жена, дети, тесть, теща, братья и сестры), а также описывалась процедура репрессирования.

²⁷ Органы государственной безопасности..., с. 114–115.

Учитывая время появления директивы и ее содержание, можно предположить, что готовилась она спешно, поскольку некоторые ее положения никак не вписывались в канву реальных событий на фронте и в тылу. Были смешаны воедино и гражданские лица и военнослужащие. Трудно понять, о какой “границе” шла речь на седьмой день войны, когда части Красной армии очень быстро продвигались в обратном от нее направлении. О линии фронта и о дезертирах вообще не упоминалось.

Сосредоточив свои главные усилия на борьбе с различного рода воинскими преступлениями, советская Фемида еще задолго до освобождения Украины готовилась к наказанию гражданских лиц, в той или иной форме сотрудничавших с оккупантами.

Уже в конце 1941 – начале 1942 г., появился ряд концептуально важных документов, закладывавших фундамент всей дальнейшей работы карательных органов и определявших характер и размах будущих репрессий.

Первым среди них стал подписанный Л.П. Берией 12 декабря 1941 г. приказ НКВД СССР № 001683 об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника, в котором с целью “восстановления революционного порядка” очерчивался достаточно широкий (еще не персонифицированный) круг лиц, которых планировалось выявить и арестовать за сотрудничество с врагом²⁸. На приказ своего союзного руководства достаточно оперативно отреагировали украинские чекисты. Расположенный в с. Меловое Ворошиловградской области Наркомат внутренних дел УССР уже спустя четыре дня, 16 декабря 1941 г. издал директиву о подготовке в прифронтовых районах чекистских резервов для работы на освобожденной территории УССР²⁹.

27 декабря 1941 г. Сталин подписал постановление ГКО СССР № 1074-сс о семьях лиц, сотрудничавших с оккупантами: “Разрешить НКВД семьи лиц, служивших в административно-карательных органах германских властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками, после проведения следствия, решением Особого совещания НКВД СССР, выселять в отдаленные области Союза [ССР]” в порядке, установленном для административно высланных³⁰. Документ не предполагал какой-либо стратификации понятия “семья” и уровня ответственности.

Уже 18 февраля 1942 г., народным комиссарам внутренних дел УССР и БССР, начальникам региональных и линейных управлений НКВД был разослан циркуляр НКВД СССР, существенно дополнявший и разъяснявший основные направления оперативно-чекистской работы в освобожденных районах (в тесном сотрудничестве с особыми отделами воинских частей). В документе также размежевывались понятия “изменник”, “ставленник” и “вражеский пособник”³¹.

Предлагалось начинать деятельность НКВД с “арестов всех ранее выявленных ставленников и активных пособников немцев”. В ходе оперативно организованного следствия, опираясь на “опрос заявителей и местных жителей”, следовало выявлять и брать на учет конкретные категории лиц. Их перечень явился, собственно, первым с начала войны “классификатором” тех, кто со временем вполне справедливо был наказан за совершенные преступления. Однако там оказались и те, кому советская власть отказала в доверии лишь за то, что они “пребывали на оккупированной территории”.

Итак, на учет предписывалось брать: “а) личный состав разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных немецких органов, действовавших на временно захваченной противником территории; б) владельцев и жильцов дома, где размещались упомянутые выше органы..., а также обслуживающий их персонал; в) агентуру германской военной разведки, гестапо и тайной полевой полиции, оставленную в данном городе-районе..., связников, содержателей явочных квартир,

²⁸ Там же, с. 413–414.

²⁹ ОГА СБ Украины, ф.16, оп. 35, д. 2, л. 6–12.

³⁰ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР “Смерш”, 1939 – март 1946. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006, с. 324.

³¹ ОГА СБ Украины, ф. 16, оп. 35, д. 2, л. 104–108 об.

проводников и переправщиков; г) членов магистратов, местных самоуправлений, старост, служащих полиции и других административных немецких органов; д) изменников родины, предателей, провокаторов и немецких пособников, оказывавших содействие оккупантам в проведении разного рода мероприятий (выявление коммунистов, партизан, военнослужащих Красной Армии, изъятия у населения продовольствия, фуража, скота, теплой одежды и проч.); е) участников контрреволюционных белогвардейских националистических организаций, созданных немцами; ж) участников созданных немцами банд, которые использовались для охраны населенных пунктов, выполнения карательных и реквизиционных функций, по выявлению и задержанию партизан и военнослужащих Красной Армии, бежавших из плена и вышедших из окружения, а также для бандитских налетов в нашем тылу; з) содержателей радиостанций, складов продовольствия и боеприпасов, оставленных немцами в нашем тылу для своей агентуры и бандитских групп; и) членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедших регистрацию у немцев; к) женщин, вышедших замуж за офицеров, солдат и чиновников германской армии; л) содержателей притонов и домов терпимости; м) всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях вне зависимости от рода обязанностей (исключая насильно мобилизованный контингент), а также лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги ни носили; н) лиц, добровольно ушедших с немцами, членов их семей”.

Все перечисленные в пунктах “а”, “б”, “г”, “д”, “е”, “ж”, “з”, “к”, “л” граждане подлежали немедленному аресту. Мелких служащих созданных немцами учреждений и организаций (истопников, уборщиц, сторожей, рядовых канцелярских служащих) приказывалось арестовывать лишь при наличии материалов о предательской работе с их стороны при немцах.

Особое внимание уделялось членам и кандидатам ВКП(б), а также комсомольцам, прошедшими регистрацию у немцев. Каждого из них предписывалось в обязательном порядке допрашивать, выясняя, “почему он остался у немцев, что побудило его пойти на регистрацию, о чем немцы его спрашивали, кого он выдал” и пр. При избыточности допрашиваемого в сотрудничестве с немцами приказывалось такого человека арестовать и продолжить следствие для выяснения всех обстоятельств дела.

Так же внимательно следовало разбираться и со “служителями культа”. Однако с ними предписывалось действовать осторожно и продуманно и их судьбу без “согласования с 3-м Управлением НКВД СССР не решать”³².

О серьезности намерений советских спецслужб относительно упомянутых категорий лиц свидетельствуют отдельные пункты специально установленной формы отчетности, которую следовало ежедекадно подавать в НКВД СССР. Там среди прочего необходимо было тщательно охарактеризовать контингенты и “социальное лицо” местного населения, “предателей и пособников” немцев, принимавших участие в создании различных учреждений и проведении мероприятий оккупантов, роль в них местных коммунистов и комсомольцев. Отдельно в пункте 3 (“Итоги оперативно-чекистской работы”) требовалось предоставить следующие данные: “а) количество арестованных; раскрытых агентов немецких спецслужб, лиц, подозреваемых в шпионаже, служащих административных учреждений (старост, бургомистров, членов управ и др.), предателей и изменников родины, других антисоветских элементов, дезертиров, мародеров, членов семей изменников родины. Те, кто отошел вместе с немцами, брались на учет и включались в специальные списки для розыска”³³.

Внимательный анализ февральского циркуляра НКВД СССР позволяет заметить ряд несоответствий между перечнем лиц, подлежащих немедленному аресту, и соответствующей градацией отчетности. Так, женщины, вышедшие замуж за офицеров, солдат и чиновников германской армии подлежали аресту, но не были представлены среди прочих лиц в отчетности. Лишенным логики кажется приказ арестовывать жите-

³² ОГА СБ Украины, ф. 16, оп.35, д. 2, л. 105–106.

³³ Там же, л. 108–108 об.

лей домов, в которых размещались немецкие спецслужбы и административные органы, а также обслуживающий их персонал.

Циркуляром НКВД СССР приказывалось лишь брать на учет родственников тех, кто отошел вместе с немцами, однако эта категория – “члены семей” – представлена в отчетности среди подлежащих аресту на освобожденной территории, вероятно, в связи с предписанием, сделанным Сталиным в постановлении ГКО СССР 27 декабря 1941 г.

Таким образом, вполне очевидно, что оперативно подготовленный документ содержал много несогласованностей и двойственных толкований, существуя они лишь на бумаге, вообще могли бы не комментироваться. Однако, к сожалению, за этими формулировками и определениями стояли люди, судьба которых могла быть искалечена.

Позже появился ряд других законодательно-нормативных актов, регламентирующих действия советской Фемиды и уточнявших подходы к квалификации “сотрудничества с врагом”. Однако именно упомянутые декабрьские 1941 г. и февральский (1942) циркуляры наркомата внутренних дел создали почву для появления всех последующих документов и практических действий по репрессированию граждан, оказавшихся на оккупированной врагом территории, и так или иначе, вынуждено или сознательно сотрудничавшим с оккупационной властью.

Термин “сотрудничество” трактовался советской Фемидой достаточно широко. Службой в пользу захватчиков считалась не только инициативная деятельность в разных, в том числе и карательных, структурах, но и обычные виды работы простых граждан в учреждениях, функционировавших на захваченной территории.

Уточнение квалификации “сотрудничества” и “пособничества” продолжалось до конца войны. Эти понятия и определение состава данных преступлений стали камнем преткновения и после нее, когда шла работа над общесоюзным Уголовным кодексом. Однако прийти к общему знаменателю законодателям так и не удалось.

На первой, наиболее трудной фазе войны, обстановка на фронте и в тылу не способствовала проявлению лояльности в правоприменительной практике. В работе военных трибуналов и Особого совещания при НКВД СССР преобладали ускоренный и упрощенный порядок осуждения, предусматривавших значительное отступление от обычных судебных норм, а также понижение общего уровня квалифицированного правосудия в стране.

Карательная направленность закона усиливалась, прежде всего, за счет применения в судебной практике второй части ст. 58-10 УК РСФСР (“измена Родине”), предусматривавшей санкции в условиях “военной обстановки” и ориентированной на применение высшей меры наказания – расстрела. При этом практическое применение этого пункта в первые месяцы войны на фронте и в ближнем тылу доминировало над остальными приговорами по делам о “контрреволюционных преступлениях”.

Очень высокая степень зависимости советского правосудия от политического влияния и прагматичное отношение к использованию правовых норм, особенно характерных для военной поры, привели к значительному увеличению числа субъектов правоприменения, не относящихся к сфере правосудия.

В начальный период войны, прибегая к разнообразным “уточнениям” и “разъяснениям” в применении действующего уголовного законодательства служители советской Фемиды пытались обойти его нормы, с тем чтобы шире охватить различные слои населения.

Наряду с этим нельзя не подчеркнуть, что Пленум Верховного Суда СССР счел возможным сузить круг лиц, которым угрожало наказание, сопряженное с лишением свободы. Осужденные на фронте и в тылу получили возможность встать в ряды защитников Отчизны, заслужить право на помилование и реабилитацию.

Критически оценивая в целом карательную деятельность органов государственной безопасности, прокуратуры, суда, ни в коем случае нельзя ставить под сомнение те полезные, зачастую воистину героические усилия большинства сотрудников этих учреждений в борьбе с иностранными разведчиками, с преступностью внутри страны, нарушителями законности и правопорядка.

В чрезвычайно тяжелый начальный период войны советская Фемида вынужденно, как и все другие институты государства, перевела свою деятельность в режим чрезвычайного положения, ужесточила деятельность репрессивного аппарата в военных условиях. Однако наряду с крайне необходимыми мероприятиями власть продолжала более сурово, чем этого требовали обстоятельства, обращаться со своими гражданами.

Анализируя правоприменительную практику в начальный период Великой Отечественной войны, следует четко разграничивать правовой порядок и беззаконие, самоотверженность и авантюризм, ответственность и произвол. Все эти понятия трагическим образом переплетались в функционировании правовой системы в годы Великой Отечественной войны, но без их размежевания нельзя восстановить истину, какой бы горькой она ни была.